

ИСТОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Социальная история и историческая
антропология

Школа «Анналов» и произросшая из нее «Новая историческая школа» дали мощный толчок к развитию социальной истории. Очень сложно дать определение этому ответвлению исторической науки, поскольку меняется понятие «общества», являющееся предметом исследования социальной истории. Следует смотреть на социальную историю как на дисциплину, находящуюся в процессе непрерывающейся эволюции, изменений, вызванных меняющимися интерпретациями ее предмета, формулировкой центральных проблем, особого угла их рассмотрения, методов и технических приемов социально-исторического исследования.

Становление социальной истории в XX веке неразрывно связано с превращением самой истории в междисциплинарную дисциплину. Если традиционная история рассматривалась исключительно как область гуманитарного знания, то появившаяся во второй половине XX века «новая социальная история» выдвинула задачу интерпретации исторического прошлого в терминах социологии. Ее целью было преодоление дисциплинарного раскола, оформившегося в конце XIX века в связи с претензией социологии на функции исторического знания и с вызванной этим стремлением истории к обособлению.

В 1960–1970-е годы в социальной истории превалировал идеал тотальности, ориентировавший на изучение общества как целостности. Возродился интерес к наследию Макса Вебера, сочетавшего конкретно исторический, сравнительно типологический и идеально типический методы рассмотрения общественных процессов. Расширилось и понятие социальной истории. К традиционным агентам общества в виде классов, сословий и иных больших групп людей к предмету исследования добавились социальные микроструктуры: семья, община, приход, ремесленные корпорации, которые были столь распространены в доиндустриальную эпоху.

В результате картина взаимодействия социальных структур усложнилась, появилось понимание общества не как поля конфликтных отношений между якобы самодостаточными социальными единицами, но как целостного организма, в котором все элементы взаимодействуют в сложной системе прямых и обратных связей, исключавшего существование фактора, способного объяснить все историческое развитие (как это было в марксизме).

Социальная история участвовала в процессе активного заимствования подходов из других социальных наук. С середины 70-х годов главным агентом междисциплинарного взаимодействия стала культурная антропология. Именно благодаря ей произошел сдвиг в исследованиях социальных историков от «объективных структур», процессов и институций к структурам «сознания», то есть к системам ментальных репрезентаций действительности, к сфере символов, к психологическим установкам, стереотипам восприятия и моделям поведения.

Так называемый «культурный поворот» в сфере социальной истории поставил задачу соединения истории ментальностей с историей структур посредством нахождения диалектических взаимосвязей между объективными условиями жизни и способами их осознания. Репрезентации действительности, способы построения картины мира стали тем необходимым звеном, связывающим исследования социальной среды с анализом человеческих действий.

В поисках информации о неотрефлексированных представлениях людей прошлого социальные историки стали активно заимствовать специфические методы и познавательные приемы антропологов, разработанные для раскодирования непонятных европейцу культур. Произошел новый «антропологический поворот», выразившийся в проецировании на новую социальную историю центральных задач антропологии. Все это привело к формированию новой парадигмы социальной истории, которая включила в свой предмет сферу человеческого сознания как неотъемлемую структуру социальной жизни.

В это же время разгорелась горячая полемика между сторонниками истории, основанной на изучении социальных структур, и историческими антропологами, считавшими, что первые игнорируют гуманистический аспект истории. Настаивая на необходимости повернуться лицом к обычному человеку, историческая антропология призывала отказаться от надличностных структур.

Историческая антропология, выступая с претензией на последнюю инстанцию в новейшей историографии, включила в предмет своего исследования поведение, обычаи, ценности, представления, верования всех социальных классов и групп, независимо от их положения в общественной иерархии.

Одной из движущих сил, подталкивающих исторических антропологов к расширению сферы своих исследовательских интересов, стало желание сформировать историческое самосознание у угнетенных и эксплуатируемых слоев населения, народов «без истории» или «спрятанных от истории». Обусловленное политическим моментом антиколониального движения и движения за гражданские права, это желание привело к выделению субдисциплин: «новая рабочая история», «история женщин», «крестьянские исследования».

Проблема заключалась в том, что с расширением области научных интересов, с ростом субдисциплин и специализации исследований, все более туманными становились перспективы синтеза. Смене парадигм не сопутствовала необходимая теоретическая работа, что могла бы лечь в основу будущей программы внутридисциплинарного консенсуса по самым принципиальным вопросам. Социальная история воспринималась некоторыми, как промежуточная область между историей экономической и историей политической. Другие же интерпретировали ее цели в духе «тотальной» истории «Анналов» или «истории общества как целостной системы».

В этом контексте начали появляться научные программы, отражавшие представления об интегративной функции социальной истории, но указывающие на отсутствие консенсуса относительно предмета ее исследования. Эти разногласия произрастали не только из различия в субъективных оценках дисциплины. Были и объективные трудности, обусловленные тем фактом, что все, что имеет отношение к людям – социально. В соответствии со сложившимися противоречивыми представлениями о статусе и предмете социальной истории последняя выступала как область исторического знания об определенной сфере исторического прошлого, как область знаний о всевозможных сферах социальных отношений и активности людей, как особая, ведущая форма существования исторической науки, построенной на междисциплинарной основе. Эти противоречия не могли не распространиться и на сферу практической методологии.

Критиками, как внутри социальной истории, так и вне нее, отмечались следующие негативные моменты: механическое заимствование социологических, экономических и других теорий, методов, моделей и концепций, привязанных к вполне определенной проблематике той или иной общественной науки и безразличных к историческим изменениям; неадекватное применение методик структурного и количественного анализа, абсолютизация технических приемов исследования; создание собственных концепций, учитывавших исторический контекст и динамику развития. «Новая социальная история», несмотря на очевидные достижения и прорывы, так и не смогла стать «новой историей» вообще. Ее предмет подвергся все большей фрагментации, а способы изложения становились все более проблематичными.

В 80-х годах вопрос о том, как соединить результаты научного анализа явлений, структур и аспектов прошлого в последовательное целостное изложение, звучал все острее. Необходимо было написать новые нарративы национальной, региональной, континентальной или всемирной истории. Естественным было прибегнуть к помощи той же антропологии, дисциплины, задавшей новые познавательные ориентиры и разработавшей способы анализа общества и интерпретации культуры. Однако в самой антропологии не утихали споры между социальной и культурной антропологией, вызванные разногласиями относительно взаимодействия общества и культуры.

В этих дискуссиях социальная история все решительнее заявляет о своих правах на особый статус, все более настойчиво ее представители подчеркивают интегративную функцию социальной истории, все громче звучит призыв к преодолению антитезы научной и гуманистической тенденций, структурного и антропологического подходов, системного и динамического видения исторического процесса. Тенденция к интеграции субдисциплин проявилась в историографии всех западных стран, хотя и не совсем равномерно.

Среди разных национальных традиций социальной истории стоит отметить британскую. «Новая социальная история» в Великобритании активно заимствовала проблематику и методы социальной антропологии. Эта смывка произошла благодаря усилиям именно антропологов, ратующих за оснащение традиционной историографии концепциями и методами, отработанными «в поле». Изучение этнических общностей на окраинах мира вдохновило историков написание истории народной культуры, ставшей британским аналогом французской истории ментальностей. История народной культуры ввела в научный оборот огромный источниковый материал, характеризующий особенности духовной жизни и поведения людей с локально-региональной и социально-групповой спецификациями.

Наибольшие перспективы к написанию интегративной социальной истории содержались в направлении так называемой «новой локальной истории». В период 70–80-х годов XX века появляется все больше локально-исторических работ, нацеленных на всестороннее изучение той или иной локальной общности,

на создание ее полноценного коллективного портрета. В таких исследованиях – деревень, общин и приходов – анализировались не только основные демографические характеристики, структура семьи и домохозяйства, но и социальная и географическая мобильность, социальные функции полов, локальные политические структуры и социально-культурные представления.

Можно говорить о двух главных подходах, сформировавшихся в рамках «новой локальной истории». Первый исследует человеческую общину с перспективы индивидов, составляющих ее. Предметом исследования является жизненный путь от рождения до смерти, описанный через изменения в представлении о социальных ролях и поведенческих стереотипах. Другой подход стремится к раскрытию внутренней организации и функционирования социальной среды, понимаемой в самом широком смысле этого слова. Речь идет об исследовании физической реальности локального мира, социальной экосистемы человека, формальных и неформальных союзов, ассоциаций и корпораций, их взаимодействий между собой и большими социальными стратами в виде сословий и классов. Оба подхода характеризует стремление к вовлечению совокупности существующих или потенциальных источников, отражающих самые разные аспекты деятельности общины и индивидуумов в ней.

Такого рода исследования значительно расширили возможности комплексного подхода в историческом исследовании. Они отталкиваются от предположения, что человеческая действительность может быть схвачена лишь при приближении к среде, соразмерной по масштабу с самим, отдельно взятым человеком, а не только на уровне таких надличностных структур, как классы, сословия и нации.

Локальные исследования, которые иногда справедливо называют микрокосмическими, оказались способны выполнять роль первичных блоков в более амбициозных, интегративных проектах социоистории. Так, уже к началу 1980-х годов многочисленные локальные исследования по отдельным периодам истории подготовили обновленную, гораздо более совершенную базу для обобщений на национальном уровне. Примером может служить работа, написанная британским историком Китом Райтсоном «Английское общество: 1580–1680 гг». В его нарративе, охватывающем три элемента – семью, локальную общность и систему социальной дифференциации национального масштаба – центральное место заняла локальная община. Община, дающая доступ к пониманию семьи, включающая в себя элементы британской социально-классовой структуры, представляла собой конденсированное в пространстве выражение общественных отношений.

Дальнейшая разработка этого подхода другим ведущим британским социальным историком Чарлзом Фитьян-Адамсом привела к созданию новой теоретической модели, которая учитывала социально-пространственные структуры разного уровня и различной степени интеграции: ядро общины; общину как целое (сельскую или городскую); группу соседских общин; более широкую область с общей социокультурной характеристикой; графство; провинцию, регион. В основу этой модели была положена концепция социального пространства, охватывающего различным образом ограниченные и частично перекрывающиеся друг друга сферы социальных контактов. Так наметилась перспектива методологической стыковки социальных макро- и микроисторий в мире промежуточных социально-пространственных структур. Микроподходы получили наиболее широкое распространение и последовательное развитие именно в рамках нового типа локальной истории, основанного на максимальной детализации и индивидуализации исследуемых объектов.

Микроподходы становились все более привлекательными по мере того, как обнаруживалась неполнота и неадекватность макроисторических выводов, ненадежность среднестатистических показателей, направленность доминирующей парадигмы на свертывание широкой панорамы исторического прошлого в узкий диапазон ведущих тенденций, на сведение множества вариантов исторической динамики к псевдонормативным образцам. Уход на микроуровень в рамках антропологической версии социальной истории изначально подразумевал перспективу последующего возвращения к генерализации на новых основаниях.

60-е и 80-е годы XX века стали временем бурного развития социальных дисциплин и истории. Возникли новые и перспективные области исследования, усложнившие картину общественного взаимодействия. Перед учеными встал вопрос объединения дробящегося знания в единый синтез. Ранние попытки не привели к значительным результатам. Тотальная история, цитируемая Анналами, так и осталась идеалом.

В следующих двух лекциях мы вернемся к интеллектуальному наследию последней трети XX века и ее роли в работе (теоретической и конкретноисторической), проводимой историками в настоящий момент. Этими лекциями мы закончим наш курс.